

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ДРЕВНОСТЕЙ

ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ *).

Не разъ мнѣ приходилось слышать мнѣніе, что Харьковская губернія въ археологическомъ отношеніи не представляетъ почти никакого интереса. Когда поднятъ былъ вопросъ объ устройствѣ археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, то многіе прямо спрашивали, какіе же такіе памятники старины можно найти въ этой области, которая заселилась въ прошломъ или позапрошломъ вѣкѣ, а до того времени представляла изъ себя пустую степь. И это мнѣніе имѣетъ нѣкоторое основаніе. Мы напрасно бы стали искать въ Харьковѣ вещественныхъ памятниковъ даже недавней казацкой Слободско-Украинской старины—ихъ одежды, вооруженія, домашней утвари и т. п. Не найдемъ мы и курганныхъ предметовъ болѣе древняго времени: каменныхъ и бронзовыхъ орудій. По крайней мѣрѣ покойный гр. А. С. Уваровъ, сгруппировавшій въ своей замѣчательной книгѣ „Каменный вѣкъ въ Россіи“ всѣ данныя подобнаго рода по другимъ губерніямъ, о Харьковской не говоритъ ни слова. Обратившись къ общей археологической литературѣ—къ различнымъ изданіямъ археологиче-

*) Рефератъ, прочитанный Д. П. Багалъемъ въ извлеченіи на Московскомъ Археологическомъ съѣздѣ 10 января 1890 г. Въ основу его положены всѣ тѣ печатные и рукописные источники, которыми авторъ пользовался при составленіи Археологической карты Харьковской губ. и которые указаны въ его объяснительной запискѣ, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ лѣтописей актовъ соч. П. В. Голубовскаго „Печенѣги, Торки и Половцы“, статьи В. Пассека „Границы Юж. Руси“ и собственныхъ монографій („Ист. Сѣверской земли“ и „Очерки изъ ист. кол.“).

скихъ обществъ, съѣздовъ и т. п., изслѣдователь пришелъ бы къ такимъ же неуѣшительнымъ для себя результатамъ относительно вещественныхъ памятниковъ Харьковской губерніи.

Но вотъ Московское Археологическое Общество приняло на себя починъ въ дѣлѣ составленія археологическихъ картъ отдѣльныхъ губерній и объяснительныхъ къ нимъ записокъ; исполненіе этихъ работъ поручено мѣстнымъ изслѣдователямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ картъ теперь уже окончены и составляютъ одну изъ важнѣйшихъ и, позволю себѣ сказать, пріятнѣйшихъ особенностей нынѣшней археологической выставки. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что только такимъ путемъ и возможно осуществить то грандіозное предпріятіе, которое намѣтило себѣ Имп. Московское Археологическое Общество. Областной способъ разработки громаднаго теперь уже археологическаго матеріала принесетъ здѣсь несомнѣнно такіе же важные результаты, какіе получились въ изученіи русской исторіи. Отдѣльныхъ фактовъ, приуроченныхъ къ той или другой мѣстности, накопилось множество; разбросаны они въ цѣломъ рядѣ общихъ и мѣстныхъ изданій и въ такомъ видѣ ускользають даже отъ внимательнаго взора. Необходимо по крайней мѣрѣ подвести итоги тому, что сдѣлано, разобраться въ накопившемся матеріалѣ и привести его хотя въ какую нибудь систему для того, чтобы сдѣлать первоначальные выводы. Меня лично привела къ этой мысли работа, надъ составленіемъ Археологической карты Харьковской губерніи. Занявшись составленіемъ этой карты, я долженъ былъ прежде всего привести въ извѣстность по возможности всѣ источники, какъ печатные, такъ и рукописные. На основаніи этихъ матеріаловъ я и составилъ свою Археологическую карту и краткую объяснительную записку къ ней. Не буду характеризовать своихъ источниковъ, какъ сдѣлалъ это въ своей запискѣ. Но послѣ составленія записки у меня явилось желаніе сгруппировать этотъ матеріалъ, пополнить его новыми историческими и географическими данными, сдѣлать характеристику *важнѣйшихъ видовъ* мѣстныхъ памятниковъ доисторической старины, и подвести, такимъ образомъ, итоги всему тому, что даетъ въ этомъ отношеніи Харьковская губер. Если мнѣ и не удастся достигнуть этого, то во всякомъ случаѣ не бесполезна будетъ и самая постановка вопроса; важно знать, въ

какую сторону нужно направить усилія и розысканія. Въ концѣ концовъ Харьковская губ. останется позади другихъ мѣстностей относительно памятниковъ старины; но все таки изъ отдѣльныхъ, разсѣянныхъ поразнымъ изданіямъ мелкихъ фактовъ возродится цѣльная картина. Картина эта не будетъ отличаться яркостью красокъ, но важно уже то, что тамъ, гдѣ не было по общему убѣжденію ничего, появится нѣчто. А о томъ, каково это нѣчто, можно судить по нижеслѣдующему изложенію.

Обыкновенно считаютъ Харьковскую губернію новымъ краемъ, представлявшимъ изъ себя въ теченіе многихъ столѣтій настоящую пустыню. Но археологическія данныя, въ связи съ нѣкоторыми отрывочными историко-географическими указаніями приводятъ къ мысли о существованіи въ ней населенія съ самой глубокой древности. Здѣсь проживали представители разныхъ народностей, изъ которыхъ намъ извѣстны только болѣе поздніе. Уже въ *каменный* періодъ тутъ жилъ какой-то народъ, которому должны принадлежать кремневые стрѣлки, найденныя въ Изюмскомъ, Купянскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ, и каменные молотки, отысканныя въ Изюмскомъ, Богодуховскомъ и Зміевскомъ уѣздахъ. Существовалъ ли здѣсь человекъ въ эпоху мамонта, сказать не можемъ, по неимѣнію данныхъ; но мамонтъ здѣсь жилъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ находка почти цѣльнаго остова его въ Ахтырскомъ уѣздѣ въ д. Костевкѣ. *Бронзовая* культура не представляла здѣсь самостоятельной эпохи и носила характеръ смѣшанный. Бронзовыя вещи спорадически находимы были въ Зміевскомъ, Купянскомъ, Богодуховскомъ, Старобѣльскомъ и Сумскомъ уѣздахъ, именно: топоры, стрѣлы, фибулы, кольчуги. Но наиболѣе характерными въ этомъ случаѣ являются находки въ Богодуховскомъ и Ахтырскомъ уѣздахъ И. А. Зарѣцкаго. Найденныя И. А. Зарѣцкимъ вещи куплены для Историческаго музея. Великолѣпно исполненный альбомъ этихъ древностей приобрѣтенъ у него Августѣйшимъ почетнымъ Предсѣдателемъ Историческаго музея. Вещи эти найдены отчасти въ песчаныхъ буграхъ, а отчасти въ курганахъ. Пользуясь сообщеніями г. Зарѣцкаго, я постараюсь разобрать его находки. Г. Зарѣцкій не отличаетъ вещей, найденныхъ въ песчаныхъ буграхъ, отъ предметовъ, выкопанныхъ изъ кургановъ, и думаетъ, что они

одинаковаго происхожденія. Но съ этимъ едва ли можно согласиться. Въ песчаныхъ буграхъ находимы были предметы разнообразнаго характера и происхожденія, начиная отъ древнѣйшихъ каменныхъ издѣлій и оканчивая желѣзными; въ курганахъ—только бронзовые и желѣзные. Правда, между тѣми и другими мы находимъ значительное сходство, но есть и различіе; бронза, и при томъ въ типическихъ формахъ, преобладаетъ въ буграхъ, а въ курганахъ ея очень немного. Въ песчаныхъ буграхъ кромѣ множества стрѣлъ были найдены слѣдующія бронзовыя вещи: копье, мечъ, кельтъ, иглы, шила, рыболовные крючки, колесо, гарпуна, принадлежности сбруи, фибула и т. п. Въ курганахъ г. Зарѣцкій находилъ золотыя, желѣзныя и бронзовыя вещи; изъ золотыхъ вещей особенное вниманіе обращаютъ на себя замѣчательныя по отдѣлкѣ бляшки, служившія украшеніемъ колчана и представляющія изъ себя изображеніе крылатыхъ львовъ и грифовъ; всѣ они прекрасной художественной работы, хотя и въ варварскомъ вкусѣ; затѣмъ идетъ золотой витой обручикъ съ головы, вѣсомъ въ 8¹/₂ зол., наконецъ, серьги; бляшки по характеру рисунка напоминаютъ аналогичныя Скифо Сарматскія.

Желѣзные предметы наиболѣе многочисленны; они встрѣчаются во всѣхъ курганахъ: сюда относятся удила, копья, бляшки, гвозди, ножъ; бронзовые предметы въ курганахъ нетипичны и притомъ всегда находимы были вмѣстѣ съ желѣзными; таковы: стрѣлы, шпилька, крючекъ, наконечникъ, копья и, наконецъ, бронзовая фигура съ разными изображеніями, служившая украшеніемъ на колчанѣ. Всѣ эти вещи относятся, на нашъ взглядъ, къ желѣзному вѣку. Возстановить типъ мѣстнаго погребенія г. Зарѣцкій отказывается, и дѣйствительно сдѣлать это довольно трудно; повидимому, здѣсь было нѣсколько погребальныхъ типовъ. Въ Витовой могилѣ, напримѣръ, покойникъ лежалъ завернутый въ ткань и мѣхъ; подъ нимъ лошадь, а въ углу ямы колчанъ съ золотыми бляхами. Въ Опишлянскомъ курганѣ яма была выжжена; въ ней стоялъ сосудъ со жженными человѣческими костями и колчанъ; въ курганѣ № 6 покойникъ лежалъ въ берестяной лодочкѣ; въ головахъ у него стоялъ сосудъ съ просомъ и золотыя серьги; подъ нимъ въ деревянномъ срубѣ оружіе и принадлежности конской сбруи.

Спрашивается теперь, можно ли на основаніи всей совокупности данныхъ, представляемыхъ находками, рѣшить вопросъ о народности покойниковъ? Я думаю, что нѣтъ. Г. Зарѣцкій высказываетъ предположеніе въ пользу славянорусскаго происхожденія лихачевскихъ древностей и основываетъ его на находкѣ обоюдоостраго меча, римской монеты, серпа и костей свиньи. Но доказательства эти очень слабы. Замѣчу вкратцѣ только слѣдующее. Одна часть скивоовъ занималась земледѣліемъ; слѣдовательно, находка серпа и проса сама по себѣ не противорѣчитъ предположенію о Скивахъ. Къ сожалѣнію, находка эта стоитъ какъ то особнякомъ и относится не къ курганамъ, а къ песчанымъ буграмъ. Г. Зарѣцкій считаетъ значки на стрѣлахъ славянскими рѣзами; но въ нихъ скорѣе можно видѣть знаки собственности; во время общей охоты на звѣрей, которыхъ, кстати сказать, въ этой мѣстности было очень много, такіе значки были необходимы, чтобы рѣшить вопросъ, чья стрѣла сразила животное. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ домашней жизни лихачевскихъ покойниковъ самую важную роль играютъ конь и колчанъ со стрѣлами, преимущественно сопутствующіе воинственнымъ обитателямъ степей. Наконецъ, что особенно важно, среди всѣхъ этихъ предметовъ мы все не находимъ такихъ, которые характеризуютъ намъ славянорусскую эпоху; здѣсь даже вовсе не было найдено серебра. Единственною, точною хронологическою датою является римская монета Септимія Севера (к. II-го и нач. III-го в. по Р. Х.), найденная, впрочемъ, въ буграхъ. Она имѣетъ важное значеніе въ этомъ дѣлѣ, указывая не на Эллинскій, а на послѣдующій сармато-римскій періодъ жизни; при томъ находка эта не стоитъ особнякомъ.

Кладъ Всѣ извѣстные намъ клады въ предѣлахъ Харьковской губерніи дѣлятся по времени на двѣ большія группы—римскіе съ одной стороны и византійскіе и восточные съ другой. Они относятся къ первымъ тремъ вѣкамъ по Р. Х. и были находимы въ центральныхъ уѣздахъ губерніи: Валковскомъ, Харьковскомъ, Ахтырскомъ и Зміевскомъ; другіе начинаются съ VI, тянутся затѣмъ на протяженіи слѣдующихъ VII, VIII и IX вѣковъ; это—византійскія и арабскія монеты; византійскія найдены были въ Старобѣльскомъ, Бупянскомъ и арабскія—въ Сумскомъ.

Такимъ образомъ, монетныя находки свидѣтельствуютъ намъ, собственно говоря, о двухъ періодахъ, изъ коихъ первый относится къ I—III в. нашей эры, а второй VI—IX в. Курганы, раскопанные г. Зарѣцкомъ, можно съ значительною вѣроятностью отнести къ этой первой болѣе древней культурѣ. О сравнительно высокому уровню ея свидѣтельствуютъ тѣ художественныя издѣлія, о которыхъ мы упоминали ниже, и которыя вызываютъ у насъ въ памяти другую аналогичную находку.

Въ 1810 г., по словамъ извѣстнаго мѣстнаго дѣятеля и литератора В. Н. Каразина, въ томъ же Богодуховскомъ уѣздѣ, гдѣ производилъ раскопки г. Зарѣцкій, найденъ былъ золотой жезлъ или вѣнецъ, свитый изъ 2-хъ колецъ, вѣсомъ въ 3—4 фунта съ изображеніями оленя, рыси и вепря.

Другой болѣе поздній періодъ, обозначаемый монетными находками, соответствуетъ хозарско-славянской эпохѣ нашей мѣстной исторіи. О немъ мы имѣемъ и нѣкоторыя историческія свидѣтельства. Уже въ половинѣ IX в. нѣкоторыя славянорусскія племена, въ томъ числѣ сѣверяне, уплачивали дань хозарамъ. Также Хозарія имѣла сношенія и съ Византіей. Вотъ путемъ такихъ то взаимныхъ отношеній и могли попасть въ нынѣш. Харьковскую губернію византійскія монеты VI в. Очень характерно здѣсь то обстоятельство, что монеты были найдены въ самыхъ восточныхъ уѣздахъ—Купянскомъ и Старобѣльскомъ недалеко отъ Дона. Весьма важными памятниками славянорусской жизни въ этихъ мѣстахъ являются *городища*.

На свою археологическую карту я нанесъ ихъ 42; но въ дѣйствительности ихъ несравненно болѣе. Донесенія священниковъ, служившія для меня главнымъ источникомъ, не отличаются достаточною полнотою, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, пропускъ Мало-Исторопскаго городища. А если могло быть пропущено земляное укрѣпленіе, отличающееся столь грандіозными размѣрами, то что-же сказать о небольшихъ городищахъ, которыя называются просто майданами или разрытыми могилами и отъ дѣйствія времени со всѣмъ почти потеряли свою прежнюю форму. Не слѣдуетъ забывать также того, что я не наносилъ на карту городищъ, которыми пользовались слободскіе казаки, а равно и тѣхъ, о

I
II

Слѣды
сруженіи

Городища

которыхъ упоминають акты XVI—XVIII вв., но которыя въ настоящее время уже не существуютъ. Извѣстныя теперь городища распредѣляются по уѣздамъ такъ: въ Лебединскомъ уѣздѣ 12, Ахтырскомъ—6, Старобѣльскомъ—5, Изюмскомъ—4, Богодуховскомъ—3, Валковскомъ—3, Сумскомъ—3, Зміевскомъ—3, Харьковскомъ—2, Волчанскомъ—1, Купянскомъ—ни одного. Наиболѣе густо городищами усыяна сѣверо-западная часть губерніи; въ юго-восточной же отличается обиліемъ ихъ только Старобѣльскій уѣздъ; но быть можетъ, современемъ окажется, что городища Старобѣльскаго уѣзда представляютъ изъ себя остатки донскихъ городковъ, подвергавшихся, какъ извѣстно, и разрушенію, и запустѣнію. Разсматривая географическое распредѣленіе городищъ, мы замѣчаемъ здѣсь слѣдующее любопытное явленіе: всѣ они, за исключеніемъ одного, расположены по берегамъ важнѣйшихъ рѣкъ Харьк. губ.; на р. Пселѣ мы насчитываемъ 7 городищъ, на притокахъ его—2, на р. Ворсклѣ—6, на притокѣ ея Ворсклицѣ—1, у рѣчки Локни, впадающей въ притокъ Сейма р. Виры—4, на притокѣ р. Сулы Терны—1, на рѣкѣ Мерлѣ и вблизи ея—2, на р. Мжѣ—1, у притока ея—1, на р. Удахѣ—2, на притокѣ ея Люботинѣ—1, на Сѣверскомъ Донцѣ—7, на притокахъ его 6 (одно на Берекѣ, три на Айдарѣ, одно на Деркулѣ, одно на Боровой). Всѣ городища распредѣляются въ Харьковской губ. между 2 рѣчными бассейнами такимъ образомъ: на долю Днѣпровскаго приходится 23 городища, Донецкаго 18.

Спрашивается теперь, къ какому же времени нужно отнести эти городища. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что они древняго происхожденія; большинство ихъ является остатками существовавшихъ здѣсь въ домонгольскій періодъ древнерусскихъ городовъ. Мысль эта впрочемъ далеко не новая; ее впервые высказалъ В. Пассекъ, подтвердилъ преосв. Филаретъ и, наконецъ, недавно тщательно разработалъ П. В. Голубовскій (въ своей „Исторіи южно-русскихъ степей“). Въ пользу этого мнѣнія говорятъ и историческія свидѣтельства, и географическая номенклатура, и нѣкоторыя археологическія данныя.

Прежде всего нужно отмѣтить то обстоятельство, что мѣстность эта съ пол. XIII до конца XVI в. представляла изъ

себя настоящую пустыню. Слѣдовательно, происхожденіе здѣшнихъ городищъ относится или къ домонгольскому періоду, или къ XVI—XVIII в. Въ промежутокъ времени съ XIII по XVI в. включительно хозяевами здѣсь были татары, а они городовъ въ степи не строили. Но о многихъ харьковскихъ городищахъ мы находимъ указанія въ памятникахъ XVI—XVII вв. (въ росписяхъ станицъ и Книгѣ большого чертежа): тамъ они уже называются городищами. Ясно, такимъ образомъ, что они представляютъ остатки городовъ домонгольского періода. Въ росписи путивльскихъ и рыльскихъ станицъ и годовъ 1571 г. говорится о Донецкомъ, Хорошевомъ, Коломацкомъ, Липенскомъ и Торчиновомъ городищахъ, Павловомъ селищѣ, Кубенской могилѣ въ Немирѣ, Зміевомъ и Изюмскомъ-курганѣ. Въ Книгѣ большого чертежа перечисляются слѣдующія харьковскія городища по Донцу и Удамъ—Нежегольское, Салтановское, Котковское, Гуминья, Чугуево, Кабаново, Хорошево, Донецкое, Мухначево, Зміево и Каменное. Сюда же нужно присоединить еще б. м. три городища на р. Пселѣ—Каменное, Азакское, Городецкое; о нихъ мы находимъ упоминанія въ актахъ пол. XVII в. (въ дворцовыхъ разрядахъ). Часть ихъ сохранилась до настоящаго времени. Правда о послѣднихъ трехъ городищахъ можно сдѣлать еще одно предположеніе—допустить, что они возникли въ эпоху новой колонизаціи Литовско-Русскаго госуд. въ XV—XVI вв.; но едва-ли это такъ было на самомъ дѣлѣ. Не только Полтавщина, но и Черниговщина въ XVI в. (не говоря уже о XV) была заселена чрезвычайно слабо; акты XV-го вѣка говорятъ намъ постоянно о селищахъ, т. е. опустѣлыхъ селахъ. Побережья Ворсклы и Хорола представляли изъ себя уходы кіевскихъ, каневскихъ и черкасскихъ казаковъ; Сулы и Псла—каневскихъ мѣщанъ, Удаю—черниговскихъ жителей. Только въ концѣ XVI в. стали заселяться верховья Удаю, Сулы, Хорола и Псла. Врядъ ли въ это время могли основаться эти городища. Что же касается Донецкихъ городищъ, то относительно ихъ такое предположеніе (о происхожденіи въ XVI—XVII в.) оказывается уже совершенно невозможнымъ, такъ какъ край этотъ находился далеко какъ отъ Литовско-Русскаго, такъ и отъ Московскаго рубежа.

Но можно ли это априорное соображеніе о домонгольскомъ

происхожденіи харьковскихъ городищъ подтвердить какими-нибудь фактическими данными, когда извѣстно изъ лѣтописи, что край этотъ лежалъ уже за предѣлами славянонорусскихъ поселеній.

Лѣтопись дѣйствительно умалчиваетъ о существованіи славянонорусскихъ или, точнѣе говоря, сѣверянскихъ поселеній въ бассейнѣ Псла, Ворсклы и Донца; она говоритъ только о бассейнахъ Десны съ Сеймомъ и Сулы. Но, во первыхъ, и верховья р. Сулы, и одинъ изъ притоковъ Сейма (р. Виры) находятся въ предѣлахъ нын. Харьковской губ., а во вторыхъ, умолчаніе лѣтописи еще ничего не доказываетъ, такъ какъ она не была географическимъ сочиненіемъ. На самомъ дѣлѣ здѣсь существовали города, о которыхъ по разнымъ случайнымъ поводамъ, говоритъ таже лѣтопись. Есть факты и соображенія, указывающіе на распространеніе сѣверянскаго населенія гораздо дальше тѣхъ предѣловъ, которые ему назначаетъ лѣтописецъ; это поступательное колонизаціонное движеніе сѣверянъ къ югу и юговостоку, имѣвшее мѣсто при существованіи Хазарской державы, въ послѣдствіи совсѣмъ прекратилось; мало того—подъ вліяніемъ торковъ и въ особенности половцевъ граница южной Руси подвинулась значительно къ сѣверу. Южная Русь должна была напречъ всѣ свои усилія, чтобы отстоять себя отъ этихъ кочевниковъ; всѣ крайніе юго-восточные пункты нашихъ владѣній, въ томъ числѣ и отдаленная Тмутаракань, теперь были закрыты кочевниками; только въ нѣкоторыхъ болѣе укрѣпленныхъ мѣстахъ могли удержаться оазисы славянонорусскаго населенія.

Чернигово-Сѣверское и Переяславское княжества представляли пограничье съ Половецкою землею; послѣднее въ лѣтописи прямо называется Украиною. Въ качествѣ пограничныхъ городовъ Чернигово-Сѣверской земли въ XII в. упоминаются Вырь, Выханъ и Попашъ, находившіеся въ нынѣшней Харьковской губ., первый на мѣстѣ нын. Бѣлополя, второй—на притокѣ р. Сулы Тернѣ у Лехановскаго городища, третій—на р. Попадѣ, также впадающей въ Сулу; здѣсь по видимому гдѣ то былъ и г. Зарытый, а на р. Локнѣ жили посадники Черниговскаго князя. Въ настоящее время есть двѣ Локни—одна впадаетъ въ притокъ р. Псла Суджу, а другая въ притокъ р. Сейма Виры. Я принимаю вторую Локню, такъ

какъ по смыслу лѣтописи посадники сидѣли по всему Посемью. Такого толкованія не опровергаетъ соображеніе одного изъ изслѣдователей, что, принявъ эту Локню, мы заставимъ половецкихъ пословъ идти назадъ отъ Выря; на самомъ дѣлѣ верховья Локни, впадающей въ Вырь, лежатъ на юго-западъ отъ г. Выря и во всякомъ случаѣ эта дорога въ Черниговъ, гдѣ тогда повидимому находился Всеслодъ, была болѣе прямая, — чѣмъ дорога на Локню Суджанскую, которая лежитъ въ противоположномъ направленіи отъ Чернигова. Я сказалъ, что на Локнѣ жили посадники; а гдѣ находились посадники, тамъ, конечно, были и города. И если мы припомнимъ, что въ настоящее время у этой же самой Локни находятся четыре городища, то едвали слишкомъ невѣроятнымъ покажется предположеніе о тождествѣ ихъ съ старыми городами по Локнѣ. Такимъ образомъ, въ нынѣшнемъ Лебединскомъ и Сумскомъ уѣздахъ въ XII в. существовало нѣсколько городскихъ поселеній, которыя, съ появленіемъ татаръ, запустѣли и превратились въ городища; причемъ нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ удержали старыя названія вплоть до появленія въ этихъ мѣстахъ новыхъ поселенцевъ — черкасъ; такъ, извѣстно, что новыя малороссійскіе колонисты основали г. Бѣлополье на старомъ *Вырскомъ городищѣ*; и этотъ фактъ не единичный; можно было бы указать множество примѣровъ того, какъ слобожане XVII в. пользовались для своихъ стратегическихъ цѣлей старыми городищами; не буду перечислять этихъ случаевъ, потому что они собраны въ моемъ изслѣдованіи о колонизаціи Слободской Украины, отмѣчу только одинъ выдающійся наиболѣе: Салтовскіе черкасы поселились на старомъ Салтовскомъ городищѣ, „гдѣ прежъ сего, говорится въ актѣ, былъ каменный городъ“; остатками этого города черкасы воспользовались какъ фундаментомъ для своего укрѣпленія.

Отрывочныя извѣстія лѣтописи прекрасно рисуютъ намъ состояніе такихъ окраинныхъ городовъ, каковъ былъ, напри-
мѣръ, Вырь. Половцы постоянно находятся за его стѣнами то въ качествѣ непріятелей, то въ качествѣ союзниковъ (конечно, временныхъ); „и своя братія“ князя также не особенно щадятъ его. Но несмотря на это, онъ все таки, подобно старой Тмутаракани, служилъ резиденціей для князей (правда

не особенно спокойной). Здѣсь также, какъ мы видѣли, жили и посадники. Впрочемъ, и за этими городами непосредственно еще не начинались половецкія вѣжи. Ихъ отдѣляла отъ Руси чисто боевая граница съ кое гдѣ разбросанными по ней городками и острожками. О существованіи городовъ не только на сѣверномъ пограничѣ Харьковской губ., но и гораздо южнѣ свидѣлствуютъ нѣкоторыя случайныя сообщенія лѣтописи. Громадный интересъ представляетъ извѣстіе одного лѣтописнаго списка о томъ, что герой „Слова о полку Игоревѣ“ Игорь Святославичъ, спасаясь отъ половецкаго плѣна, нашелъ себѣ пріютъ въ городѣ Донцѣ. Название города показываетъ, что онъ долженъ былъ находиться въ бассейнѣ рѣки Донца. И дѣйствительно, въ настоящее время мы имѣемъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Харькова, на правомъ берегу рѣки Уды, Донецкое городище, о которомъ, какъ мы видѣли, упоминаютъ уже акты XVI в. Въ Книгѣ большого чертежа мы читаемъ: „а по лѣвой сторонѣ вверхъ по Удамъ, выше Хорошева городища, Донецкое городище: отъ Хорошаго верстъ съ пять. А выше Донецкаго городища съ правой стороны впала въ Уды рѣчка Харьковъ отъ городища съ версту“. Извѣстный Вадимъ Пассекъ первый указалъ на тождество Донецкаго городища съ городомъ Донцомъ. Онъ же первый догадался, что показаніе Книги чертежа о положеніи Донецкаго городища на лѣвомъ берегу р. Уды нужно понимать совсѣмъ наоборотъ, такъ какъ древній описатель обыкновенно входилъ изъ главной рѣки въ устье второстепенной и рассказывалъ обо всемъ, что видѣлъ на-право и на-лѣво. Издатель Книги большого чертежа Спасскій опровергаетъ мысль В. Пассека тѣмъ, что въ иныхъ случаяхъ тотъ же составитель Книги чертежа поступаетъ совершенно наоборотъ. На это я съ своей стороны замѣчу, что составители старыхъ географическихъ отрывковъ поступали и такъ, и иначе. Въ „Описной Книгѣ городовъ Харьковскаго и Ахтырскаго полковъ“, составленной во второй половинѣ XVII в., положеніе береговъ опредѣлено неправильно, а въ другомъ географическомъ сочиненіи, относящемся къ тому же времени и къ той же мѣстности („Смотрѣнная книга Ахтырскаго полка“) правый и лѣвый берегъ опредѣляются вполне научно. Если въ Книгѣ большого чертежа мы встрѣчаемъ и правильное и не-

Дон
город

правильное обозначеніе, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что географическія свѣдѣнія для этой книги доставлялись разными лицами, которые держались не одинаковой манеры опредѣленія. Но въ данномъ случаѣ Донецкое городище несомнѣнно находилось на правомъ берегу р. Уды, такъ какъ и положеніе сосѣдней рѣки Харькова составитель Книги большаго чертежа опредѣляетъ неправильно: онъ говоритъ, что она впадаетъ въ Уду съ правой стороны, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ она вливается въ нее съ лѣвой. Вадимъ Пассекъ думалъ, что здѣсь и проходила граница южной Руси съ Половецкой степью. „Эта граница, говоритъ онъ, шла, кажется, отъ вершины Донца внизъ по его теченію къ рѣкамъ Удѣ и Можи; отсюда къ ихъ вершинамъ и къ верховью рѣки Коломака, потомъ по теченію ея до Ворсклы, Ворсклою до Днѣпра. Названіе рѣки Мжи или Межи, кажется, указываетъ на древнюю нашу границу: вѣроятно, она была нашимъ рубежемъ съ землею Половецкою, а кочевыя становища половцевъ были еще глубже въ степяхъ на нѣсколько дней ѣзды отъ Руси“. Но намъ кажется, что ближе къ истинѣ П. В. Голубовскій, значительно расширяющій предѣлы боевой границы Чернигово Сѣверской земли съ половецкою степью. Неужели могъ выдвинуться такъ далеко въ степь *одинъ* только русскій городъ; неужели онъ могъ бы доставить безопасное убѣжище Игорю Святославичу, если бы Пселъ, Ворскла съ Мерломъ и Коломакомъ и средній Донецъ были во власти половцевъ? Нѣтъ, городъ Донецъ *не могъ стоять одиноко въ степи*: здѣсь должны были находиться и другіе укрѣпленные пункты. И дѣйствительно, лѣтопись говоритъ намъ о трехъ городахъ — Шаруканѣ, Балинѣ и Сугровѣ, находившихся, по мнѣнію исследователей, въ нынѣшней Харьковской губ. въ бассейнѣ р. Донца. Несомнѣнно, что названія ихъ стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ именами половецкихъ хановъ; несомнѣнно, что они находились въ нѣкоторой зависимости отъ половцевъ; но болѣе вѣроятносчитать жителей этихъ городовъ русскими славянами, подвергшимися вліянію половцевъ, чѣмъ половцами, принявшими христіанство; а что это были христіане, объ этомъ свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что они отворили ворота, когда въ русской рати, подступившей къ Шарукани, заплѣли кондаки и тропари честнаго Креста. Вліяніе тюркскаго начала на русское

населеніе степныхъ окраинъ фактъ болѣе или менѣе извѣстный; стоитъ только вспомнить русскихъ бродниковъ, бывшихъ повидимому въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ тюрками, чѣмъ съ Русью. Очевидно существовала такая пограничная территорія, въ которой попадалось и русское, и тюркское населеніе; въ мирные моменты они могли уживаться другъ съ другомъ, но русскій осѣдлый людъ здѣсь не могъ утвердиться окончательно, а однихъ военныхъ контингентовъ было для этого недостаточно. Сама лѣтопись говоритъ, что въ такихъ окраинныхъ городкахъ жили половцы да псаріи, т. е. русскіе охотники. Это, очевидно, была область острожковъ, служившихъ центрами сторожевой и станичной службы, существовавшей здѣсь, какъ кажется, и въ до-татарское время. Одинаковыя причины обыкновенно приводятъ и къ одинаковымъ послѣдствіямъ. И условія мѣстности, и историческія обстоятельства въ XII—XIII вв. были здѣсь такія же, какъ и въ XVI—XVII; только тогда половцевъ смѣнили татары; но и тѣ, и другіе принадлежали къ одной и той же тюркской народности и жили въ одинаковыхъ условіяхъ кочевого быта. Неудивительно, поэтому, что и въ домонгольскій, и въ московскій періодъ здѣсь строились укрѣпленные городки—острожки, насыпались тянувшіяся на много верстъ земляные валы; чернымъ клобукамъ и бродникамъ перваго періода соотвѣтствовали казаки послѣдующаго; самый характеръ борьбы былъ одинаковый—тѣ же наѣзды „изгономъ“, то же плѣненіе жителей; наконецъ, въ лѣтописи прямо упоминаются русскіе и половецкіе сторожа, которые ловили „языка“.

Мысль о принадлежности средне Донецкаго бассейна Руси подтверждается лѣтописными извѣстіями о походахъ русскихъ князей на половцевъ. Во время похода Игоря Святославича въ 1185 г. онъ два дня ждалъ брата своего на рѣкѣ Осколѣ; слѣдовательно, все пространство между Донцомъ и Осколомъ не было еще половецкою степью; Осколъ же, какъ извѣстно, протекаетъ на востокъ отъ Донца.

Остатками сѣверянскихъ городовъ и являются тѣ городища, о которыхъ мы говорили выше. Они тѣсно связаны другъ съ другомъ. Намъ извѣстны уже тѣ городища, которыя находятся на Донцѣ и упоминаются въ Книгѣ большаго чертежа. Къ нимъ нужно еще причислить *Сиверское*, лежащее у слободы

Мѣловой; недалеко отъ него выше слободы, на военной топографической картѣ, обозначенъ яръ Сиверскій. Здѣсь чрезвычайно любопытно прилагательное Сиверскій, ясно указывающее на прежнихъ насельниковъ этого мѣста—Сѣверянъ. Въ связи съ этимъ необходимо поставить и названіе Донца Сѣверскимъ въ Книгѣ большаго чертежа (нынѣ употребляемое названіе Сѣверный представляетъ искаженіе стараго).

Въ пользу древняго происхожденія харьковскихъ городищъ говоритъ также и ихъ устройство. Всѣ они представляютъ изъ себя укрѣпленія; расположены обыкновенно на возвышенныхъ берегахъ рѣкъ и вообще въ неприступныхъ мѣстахъ (лѣсистыхъ или болотистыхъ); вездѣ мы видимъ валы и рвы, по большей части двойные; къ главной площади постоянно примыкаетъ придатокъ, предназначенный для устройства отдѣльнаго передоваго укрѣпленія; „боевая сторона всѣхъ этихъ городищъ, по словамъ В. Пассека, хотя въ зависимости отъ мѣстности, но замѣтно обращена *не противъ Руси, а отъ Руси* и по величинѣ своей они также могутъ быть признаны за остатки старинныхъ городовъ. Приведемъ нѣсколько фактовъ, иллюстрирующихъ эту общую характеристику. Донецкое городище имѣло 24 саж. длины, 12¹/₂ ширины и 15 высоты; съ сѣвера, юга и запада оно окружено валомъ и рвомъ, а съ востока берегомъ рѣки Уды; на югѣ у него есть два придатка въ видѣ передовыхъ укрѣпленій. Хорошево городище—30 саж. длины, 12 ширины и отъ 2 до 15 саж. высоты; валъ отъ 4-хъ до 8-ми сажень ширины идетъ на 1170 саж., начинаясь довольно далеко отъ городища; само городище имѣетъ видъ четырехугольника изъ двухъ рядовъ валовъ раздѣленныхъ широкимъ и глубокимъ рвомъ; къ этому четырехугольнику примыкаетъ еще одна прибавочная часть, занимающая площадь около 4-хъ десятинъ. По своимъ размѣрамъ выдаются городища Куколевскаго и Хозарское; первое не менѣе 3-хъ верстъ въ окружности съ высокими тройными валами; отъ сѣвера къ югу оно простирается на 447 саж., съ востока на западъ—на 250; оно заключаетъ въ себѣ двѣ возвышающіяся другъ надъ другомъ плоскости, представлявшія, по всей вѣроятности, двѣ крѣпости—внутреннюю и внѣшнюю; по валамъ его росли громаднѣйшіе дубы, такъ что на пняхъ ихъ легко могъ бы лежать высокій человѣкъ, не занимая всей

длины; по формѣ оно представляетъ неправильный многоугольникъ. Хозарское городище расположено въ лѣсу, называемомъ Ринцовымъ рогомъ; окружено тройными валами и до такой степени заросло дремучимъ лѣсомъ, что его трудно и осмотрѣть. Къ сожалѣнію, харьковскія городища не подверглись еще правильному археологическому изслѣдованію; но и случайныя находки опять таки говорятъ въ пользу древности ихъ. Профессоръ Ю. И. Морозовъ, изслѣдовавшій Хорошевское городище, находилъ въ немъ слои обугленныхъ дубовыхъ бревенъ, куски спекшейся глины съ отпечатками хвороста и камыша, черепки глиняной посуды съ очень грубыми узорами, выдавленными ногтемъ, кости быковъ, барановъ и медвѣдей, каменное метательное орудіе изъ краснаго твердаго песчаника и бусинку каменнаго мониста. Въ Донецкомъ городищѣ В. Пассекъ отыскалъ черепки, кости, кусочекъ красной листовой мѣди и какое-то глиняное покрытое лакомъ украшеніе съ двумя пронизками. Въ Могрицкомъ городищѣ крестьяне при распаханіи находили человѣческія кости, копы и другія военныя орудія. Въ городищѣ Куколевскаго попадались мѣдныя наконечники стрѣлъ, а также кривыя татарскія сабли и ножи съ желѣзною четвертью луны; послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что имъ пользовались и татары; по всей вѣроятности, такое явленіе имѣло мѣсто и въ другихъ случаяхъ, и такимъ образомъ, одно и то же городище служило представителемъ разныхъ народностей—то русскимъ, то тюркамъ и при томъ какъ въ болѣе раннее, такъ и болѣе позднее время. Хорошевскимъ городищемъ, какъ извѣстно, пользовались слободскіе казаки.

Географическая номенклатура Харьковской губ. находится въ полномъ соотвѣтствіи съ этими заключеніями; здѣсь тюрскія названія такъ же распространены, какъ и русскія. Названія рѣкъ звучатъ по славянски: Уды—старинная форма имени тѣхъ падежа единств. числа, оканчивающагося на *ы*, по сообщенію достоуважаемаго А. А. Потебни, Мерла, т. е. мертвая (упоминается уже въ древней русской лѣтописи), Бабка, Лопань и др.; названія многихъ городищъ также русскія—Хорошево, Кабанье, Котковское, Гуменье, Зміево, Каменное и другія. Въ другихъ именахъ слышится тюркскій элементъ—Бусовъ яръ у стараго Салтова („поютъ время Бусово“), Изюмъ,

Харьков.
Х. губ.

курганъ, Ахтырка, рѣка Адалага, Чугуево городище (въ лѣтописи упоминается половчанинъ Чугай), р. Торь (нын. Торець), городъ Торь (нын. Славянскъ). Торчиново городище указывающіе на обитавшихъ здѣсь нѣкогда торковъ, Кукуево городище, напоминающее древнихъ коуевъ и т. д. Если присоединить сюда еще Хозаревское городище, то мы откроемъ въ этихъ географическихъ названіяхъ слѣды всѣхъ тѣхъ народцевъ, которые, по историческимъ свидѣтельствамъ, проживали въ Харьковской губ.

Тюрки, повидимому, оставили намъ еще одно наслѣдіе—каменные бабы. Ихъ хорошо знали въ XVI—XVII в. московскіе станичники и называли то каменными дѣвками, то каменными людьми; „а на рѣчкѣ на Терновкѣ, читаемъ мы въ Книгѣ большаго чертежа, стоитъ человекъ каменный, а у него кладутъ изъ Бѣлограда станичники доѣздные памяти, а другіе памяти кладутъ на Самарѣ и у дву дѣвокъ каменныхъ“; „а на правой сторонѣ по тому истоку, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ того же памятника, люди каменные болваны“; теперь они называются обыкновенно каменными бабами или бѣлыми дѣдами. О нихъ имѣется извѣстное классическое свидѣтельство путешественника XIII в. Рубруквиса, который говоритъ, что половцы надѣ могилою умершаго дѣлали изъ земли насыпь и ставили ему статую, которая была обращена лицомъ къ востоку, имѣла въ рукахъ подъ животомъ чашку. Количество каменныхъ бабъ въ Харьковской губ. довольно велико; я обозначилъ на своей археологической картѣ всѣ тѣ, относительно которыхъ можно было думать, что онѣ мѣстнаго происхожденія. Разсматривая географическое распредѣленіе каменныхъ бабъ въ Харьковской губ., мы замѣчаемъ одну особенность: онѣ густо разсѣяны въ южныхъ уѣздахъ губерніи (въ Изюмскомъ, Зміевскомъ, Купянскомъ и Старобѣльскомъ) и почти вовсе отсутствуютъ въ сѣверныхъ; это обстоятельство объясняется конечно тѣмъ, что сѣверная часть губерніи въ XI—XII и первой половинѣ XIII в. принадлежала сѣверянамъ, а южная—половцамъ. Вопросъ о происхожденіи каменныхъ бабъ, впрочемъ, не рѣшенъ еще окончательно, а между тѣмъ его возможно рѣшить археологическимъ путемъ. И въ настоящее время въ Харьковской губ. сохранилось еще много каменныхъ бабъ, стоящихъ на курганахъ; если будутъ сдѣланы правильныя раскопки та-

Распо-
ложеніе
баб.

кихъ кургановъ, то этимъ самымъ или окончательно утвердится или опровергнется извѣстіе Рубруквиса. Въ моемъ присутствіи раскопанъ былъ въ Изюмскомъ уѣздѣ близъ д. Курулекъ г.г. Бичъ-Дубенскими одинъ курганъ съ каменною бабою, въ которомъ никакихъ вещей не оказалось, а покойникъ былъ похороненъ съ лошадыю. Но, конечно, одна раскопка еще не даетъ права сдѣлать никакихъ положительныхъ заключеній о древности могилъ; здѣсь, повторяю, необходимы систематическія изслѣдованія.

Многія мои заключенія покажутся, быть можетъ, не вполне убѣдительными; но это зависитъ отъ характера источниковъ: приходилось нерѣдко пользоваться отрывочными данными и краткими намеками. Мои выводы нуждаются въ провѣркѣ археологическими данными, а эти послѣднія покоятся еще въ землѣ. Позволю выразить свое задушевное желаніе, чтобы памятники Харьковской старины поскорѣе вышли на свѣтъ Божій и чтобы изъ нихъ составилъ мѣстный музей, на подобіе тѣхъ, которые существуютъ во многихъ губернскихъ городахъ (Твери, Саратовѣ и т. п.).

Д. И. Багалъй.